

Константин Леонтьев

Арестованный

Константин Николаевич Леонтьев

Арестованный

«Летом 1868 года все мы, нижнедунайские консулы в Галаце, Измаиле и Тульче, получили через министерство иностранных дел по экземпляру литографированной записки судебного следователя одной из восточных губерний о бегстве из этой губернии старовеера Александра Иванова Масляева, находившегося там под присмотром местной полиции, и об убийстве им с целью ограбления одной почти совсем слепой старухи, которая, по выражению записки следователя, была убийце благодетельницей.

Подробности этого, изложенные в записке, представляли Масляева в непривлекательном виде...»

Константин Леонтьев

Арестованный

Летом 1868 года все мы, нижнедунайские консулы в Галаце, Измаиле и Тульче, получили через министерство иностранных дел по экземпляру литографированной записки судебного следователя одной из восточных губерний о бегстве из этой губернии старовера Александра Иванова Масляева, находившегося там под присмотром местной полиции, и об убийстве им с целью ограбления одной почти совсем слепой старухи, которая, по выражению записки следователя, была убийце благодетельницей.

Подробности этого, изложенные в записке, представляли Масляева в непривлекательном виде. Как попал Масляев в Россию – за сбором у староверов или по каким другим делам? – я припомнить не могу, и, кажется, в самой записке об этом не было упомянуто. Почему именно и по какому поводу он состоял там под надзором, тоже сказать не могу; за личные ли какие-нибудь проступки или

вследствие требований церковной политики – не знаю.

Слепая старушка-староверка, жившая в том самом городе, где был Масляев, очень любила его и много ему помогала. В Молдавии, в Галаце, у Масляева был собственный дом и семья, он задумал бежать из России и уговорил уехать с собою тайно не только свою слепую благодетельницу, но еще и другую женщину и какого-то казака. Темною зимнею ночью сели они все на троечные сани и уехали, никем не замеченные. У слепой была с собою довольно значительная сумма денег. Много ли, мало ли проехали они, только Масляев вдруг остановил сани среди глухого поля и с угрозами потребовал, чтобы казак и другая женщина подержали старушку и помогли ему задушить ее. Казак и женщина хотели сопротивляться этому, но Масляев – человек огромного роста и атлетической силы, был к тому же вооружен – так сумел запугать их обоих, что они волей-неволей сделались участниками убийства. Труп обобранной старушки сбросили с саней и поехали дальше.

Но немного погодя Масляев неожиданно

обратился к казаку, ловко столкнул его с сани и, ударив по коням, ускакал от него. Отъехав еще подальше, он точно так же поступил и с последнею своею спутницей и умчался один с деньгами и поклажей.

Казак и женщина вернулись домой пешком и чистосердечно тотчас же все показали начальству.

По всему было видно, что убийца бежал в нашу сторону – в Галац, к жене своей, или в Добруджу – в Турцию. И там и тут, и в Измаиле – везде старообрядцев было довольно много. Надо было искать и ловить...

Гончарова, главного вожака липован, в городе не было. Я через сына его, который чем-то торговал в Тульче, дал ему знать, что мне очень нужно видеться с ним, и старик сейчас же приехал.

Я очень хорошо понимал, что в этом приеме моем есть риск: если Гончаров, по каким-нибудь соображениям, Масляеву благоприятствует, то, конечно, открывая ему, что мы ищем обвиняемого, я даю этим самым как бы предостережение, чтоб его скрывали и берегли. Но что же было делать? Своих поли-

дейских нет, а на полицию турецкую можно было положиться только при довольно редкой в Турции уверенности, что Порта не найдет в деле ничего политического и взглянет на него с чисто юридической стороны.

Я знал, что у староверов заграничных много раздоров и партий, и хотя я не мог, по моему положению и по недавнему сроку прибытия моего в Тульчу, знать хорошо, «куда» принадлежит этот Масляев и «куда» Гончаров, но другого исхода мне не было, как попытаться счастья этим способом.

Пока я так соображал все это про себя, решаясь пригласить к себе Гончарова, – проездом в Измаил мимо Тульчи из Галаца заехал ко мне в гости консул Романенко и сказал мне, что Масляев теперь в Галаце, и что брат его непременно «накроет» преступника с помощью румынской полиции. «Вам беспокоиться не придется!..» – сказал мне Романенко. Но я все-таки «беспокоился». Это был первый случай. Меня поэтому очень занимало это дело.

Осип Семеныч Гончаров очень скоро приехал в Тульчу по моему зову и пришел ко

мне. Я заперся с ним и хотел дать ему самому прочесть литографированную записку судебного следователя, – самому для того, чтоб он увидел сам, что тут и тени нет какого-нибудь церковно-политического гонения или притеснения. Но Гончаров, хотя и грамотный и сам даже кое-что писавший, однако, к тому роду почерка, которым написана была записка, вероятно, не привычный, предложил мне прочесть ее громко.

Выслушав внимательно до конца, он задумался и печально покачал своею рыжею головой.

– Да, вот ведь дела какие! – сказал он. – Злодей!.. А ведь и здесь ходили такие слухи.

– Вот видите! – сказал я ему. – И вашей староверческой общине здешней будет честь, что вы преступных членов не укрываете. И в России все скажут, что вы люди, в вашей вере непреклонные, но честные, которые не желают быть сообщниками грабителей. Слепая старуха эта, сама, вероятно, староверка, была ему благодетельницей... Надо его нам выдать.

– Да уж надо, надо!.. – сказал Гончаров, все в серьезном раздумье. – Пусть только в Доб-

руджу приедет, а пока он в Молдавии, нам этого сделать нельзя. Я уж подумаю об этом деле, будьте покойны... Только уж Николаю Павловичу (генералу Игнатьеву) напишите. Я желаю, чтобы Николай Павлович был доволен мной.

– Это моя обязанность, – отвечал я, – как же не написать. Переговоривши так, мы расстались с Гончаровым, и на несколько времени дело это затихло. Пока мне и нечего было больше делать.

Гончаров после свидания со мной уехал в село Славу, и несколько времени не было слуха ни о нем, ни о Масляеве. Через несколько дней пришло известие из Галаца, что обвиняемый уже схвачен румынской полицией по настоянию нашего консула. Узнав, что Масляев схвачен в Галаце, я сказал секретарю своему все откровенно.

– А не мы этого Масляева поймали. У нас такого дела не было.

– Погодите, еще, пожалуй, будет у нас... Консул – человек опытный, он-то распорядился, да румыны-то каковы – надо знать: за ничтожную взятку всякого отпустят!

Наш тульчинский вольнонаемный секретарь не напрасно родился и вырос по ту сторону Дуная: он хорошо знал молдвалахов.

Масляев бежал тотчас же после своего ареста в Галаце. Рассказывали, что полицейский офицер несколько времени разговаривал с ним с глазу на глаз в какой-то комнате, выходящей окнами в огороды; а потом будто бы оставил его одного и вышел куда-то «закурить папиросу». Масляев тотчас же выскочил в окно и... кто-то будто видел, как он бежал без оглядки по огородам. После этого известия я стал опять ожидать его к себе в Добруджу, и не ошибся. Через несколько дней, в довольно жаркое послеобеденное время, ко мне в консульство явился один пожилой старовер и потребовал свидания со мной по важному и безотлагательному делу. Я, почти догадавшись, какое это дело, велел поскорее позвать его. С виду этот старовер был очень приятный и почтительный старик, ростом он был мал и худощав, но свеж и бодр; бородка у него была совсем маленькая и белая, одет он был очень опрятно и даже щеголевато, по-русски, в новой чуйке хорошего сукна. Он был человек не

из последних у липован.

Он шепотом и с испуганным видом сказал мне, что, по уговору с Осипом Семеновичем (Гончаровым), привез сюда Масляева, чтобы передать его нам, и что Масляев находится теперь в келье, в двух шагах от консульства.

– Он только что разделся и лег отдохнуть с дороги. Лицо у почтенного старца было расстроенное, руки тряслись и голос дрожал все время, пока он говорил со мною.

– Вы расстроены... Успокойтесь, присядьте, я сейчас распоряжусь.

– Как не расстроиться, – отвечал старик, – помилуйте! Вы бы только посмотрели на него, какой это человек. Сила какая и смелость! Я ведь всю дорогу чуть жив с ним вдвоем из села сюда ехал. А ну, думаю, как он догадывается, зачем это я его в Тульчу везу и зачем его уговорили сюда ехать... Умирать ведь всякому страшно! А он бы меня в поле сразу бы покончил... Вот и теперь дрожу...

Я отпустил его и тотчас же послал за драгоманом своим. Он был человек усердный, весьма неглупый и неробкий.

– Идите скорее к Сулейман-паше, попроси-

те у него несколько вооруженных солдат, с офицером, если нужно, и арестуйте сами русского подданного старовера Александра Масляева. Он теперь один, спит, запершись в келье, около староверческой церкви. Возьмите с собой эту записку судебного следователя. Пусть паша после даст ее кому-нибудь прочесть, кто у него знает по-русски. Они уверяются, что тут ничего политического нет. Только постарайтесь убедить пашу, чтобы он помог мне сейчас же арестовать его, а все эти справки после... Ведь у нас своей тюрьмы нет, цепей тоже; все равно он будет в турецкой же тюрьме до отправки в Одессу. Придется ему пробывать в руках самого паша несколько дней до парохода, и потому у турецкого начальства будет вся возможность узнать основательно – и чей он подданный, и какого рода преступник. Если я не прав, они его после выпустят; надо только теперь скорее схватить его и держать крепко. Предупредите, что он, как слышно, человек опасный по дерзости и телесной силе... Скажите, наконец, паше, чтоб он мне верил, как всегда; и прошу его не мешкать... А потом увидим и столкнемся. Да и са-

ми возьмите-ка на всякий случай в карман этот мой двустольный пистолет. Берегитесь, – кто его знает!.. И если что – не стесняйтесь и вы в таком случае... Поняли?

– Понял, понял! – воскликнул он и, положив в один карман пистолет, а в другой записку следователя, поспешил в конак.

Я еще закричал ему вслед:

– Сейчас, сейчас! скажите, – пока он спит... Да записку чтоб они сдуру не стали прежде читать... Оставьте ее у них.

Паша, выслушав моего драгомана, сказал ему:

– Извольте, я дам хоть двадцать солдат с офицером; с таким человеком нужна осторожность, – надо окружить дом, чтобы не убежал. Я верю, но не могу ручаться за все обстоятельства, не зная их. Я узнаю только после, точно ли он русский подданный, и этого с меня будет, вероятно, достаточно, чтобы не защищать его.

Солдаты явились и окружили келью. Мой драгоман, с пистолетом в руках, и турецкий офицер начали стучаться в дверь.

Дверь отворил сам Масляев, раздетый,

спросонья.

Увидав перед собой пистолет, офицера ту-рецкого и штыки, он сказал только:

– Ну, что ж, видно, так Богу угодно... Позвольте только одеться.

Но драгоман, сообразив, что у него в одежде, вероятно, есть документы, прежде всего подскочил и выбрал из карманов все бумаги, какие были. В числе их нашелся и паспорт румынского начальства на французском языке, он был выдан на имя русского подданного Александра *Иванова* («Sujet russe Alexandre Iwanoff»), а не Александра Иванова (или *Ивановича*) *Масляева*. Слова «Масляев» не было в этом паспорте. Другие бумаги были частные и никакого особого значения не имели ни по вопросу о подданстве, ни по отношению к преступлению, в котором он обвинялся.

Все это кончилось очень скоро и успешно; драгоман возвратился ко мне не больше как через час со всеми этими бумагами; с неразряженным пистолетом и торжествующим лицом.

– Кончено: Масляев в тюрьме! – воскликнул он.

Я, впрочем, и без него только что узнал от одного из слуг, «что все кончено». Этот слуга видел сам случайно, как по улице за консульством провели Масляева к конаку между двумя рядами солдат. Он был почти на целую голову выше солдат, и его высокая и широкая шляпа чернела над красными фесками сквозь штыки, должно быть, как-то особенно выразительно, потому что многие на улице обратили на эту шляпу внимание и упоминали о ней, восклицая: «Какой мужчина, какой рост! Эта шляпа выше голов низамов!..» и тому подобное.

И мой драгоман твердил:

– Что за человек! Это исполин, атлет!

Первый и главный шаг был сделан; но обязанность свою я мог считать оконченной только тогда, когда сдам арестованного на русский пароход «Тавриду», который ходил из Одессы в Галац мимо Тульчи и обратно только по разу в неделю. Оставалось до прихода «Тавриды» еще дня три-четыре, кажется.

Сумеют ли удержать и сохранить его турки в своей тюрьме? Это один вопрос.

И еще – как я сам справлюсь с ним здесь, в

консульстве, в последние ночные часы? Ведь «Таврида» проходит обратно из Галаца мимо Тульчи поздною ночью, к пристани не подходит и останавливается на минуту посреди реки, чтобы только принять и спустить несколько пассажиров с лодок и в лодки. Как отнесутся ко всему этому делу и как будут вести себя против меня тульчинские староверы? Их в городе много. Посмотрим. А пока Масляев схвачен и сидит в кандалах у турок.

Со дня ареста Масляева до дня его отсылки из Тульчи в Одессу на пароходе «Таврида» не встретилось никаких особенных затруднений. Пашу я видел, и он сказал мне тотчас же, чтобы я был спокоен, что судья и по паспорту (Sujet russe Alexandre Iwanoff), выданному ему румынами, и по записке следователя, сообщенной мною в Порту, и по всем справкам, местная власть никаких претензий против моих действий иметь не будет и окажет мне всевозможное содействие.

– Какой, однако, это должен быть человек! – заметил паша.

Но на этот раз в деле Масляева румынские власти, упустившие его из своего Галаца, за-

хотели вдруг в Тульче, на турецкой территории, заявить свои *государственные* права на протекцию обвиняемому.

Жил в Тульче некто Стоянович, румынский подданный; невзрачный, незначительный; чем-то торговал, но считался румынским вице-консулом. Другие консулы, *настоящие*, – австрийский, французский и другие, – никогда об нем даже и не говорили и не обязаны были говорить. Визитов ему не делали, на совещания не приглашали и т. д. И надо ему отдать справедливость, – он держал себя очень скромно и ни на что подобное, по-видимому, не претендовал. И вдруг этот скромный агент вассального княжества явился ко мне дня через два после ареста Масляева *в сопровождении чиновника Порты*; начал словесно протестовать против моих действий и слегка пытался доказать мне, что «этого Масляева надо освободить и возвратить румынским властям; потому, во-первых, что паспорт ему выдан румынами, а во-вторых, потому что на этом паспорте он назван *Александр Иванов*, а я искал Александра Масляева. «Может быть, это вовсе другое лицо!» Возражение мое было

очень просто:

– Вы, верно, живя на Дунае, знаете, – сказал я, – что у нас, русских, в обычае называть человека тремя именами: имя, отчество и фамилия. А здесь, в Турции, ну и в Румынии также, очень часто ограничиваются одним отчеством, когда дело идет о русских, и фамилию опускают или забывают.

Румынский представитель успокоился, ушел – и больше не тревожил меня... Я думаю, он пришел ко мне только наудачу, только для успокоения совести. Просьбы ли какие-нибудь, или даже «обещания» родных и близких Масляева побудили его к этой слабой попытке – не знаю; только об нем и помину больше не было.

Наконец – настало для меня самое трудное: надо было взять Масляева к себе в консульство. Надо было хорошо кончить удачно начатое.

Я получил известие из Одессы, что в следующий рейс свой из Одессы в Галац командир пассажирского нашего парохода «Таврида» возьмет, по приказанию начальства, на военном русском судне, стоящем в Галаце, двух во-

оруженных матросов для конвоирования арестанта до Одессы.

«Таврида», я уже говорил, из Галаца мимо нашей Тульчи проходила большею частью ночью и к пристани никогда не приставала. Нужно было бы для этого заворачивать назад. Поэтому я с половины дня уже принужден был перевести Масляева к себе, чтобы иметь возможность доставить его, как можно поспешнее, с берега на пароход в маленькой консульской лодке.

Условия для содержания под стражей такого человека, как Масляев, были в консульстве весьма недостаточны. Тюрьмы настоящей не было. Поместить его можно было только на дворе, в маленькой комнате в нижнем этаже, с решетчатым окном на двор и с очень плохой и тонкой дверью.

Довольно обширный двор консульства с задней стороны и с боков был обнесен обыкновенным русским дощатым забором; за этим забором было пустое место с оврагом, а за оврагом – много *староверческих хат*. Я все-таки не мог знать наверное, что думают и что чувствуют тульчинские староверы. Был у ме-

ня, правда, за это время их приходский священник, спрашивал про Масляева; спрашивал, в чем его обвиняют, вздыхал, качал головою... Но мнения, ни своего собственного и никакого, не высказал. О том, как это Масляев так скоро попался в руки, тоже не спросил.

Мало ли что могут до ночи придумать эти люди! Они хитры!

Надо ни на шаг не оставлять арестанта и за всем следить. Стража у меня: всего один ка-вас, мусульманин, араб, юноша смелый, сметливый, но ветреный.

Кроме него в доме было двое слуг; мальчик-молдаван лет 18 и повар – пожилой, угрюмый малоросс, из беглых крепостных.

Двое юношей, двое мальчишек, ветреный араб и неопытный молдаван, и этот скрытный, как-то исподлобья глядящий, повар... Кто их знает?

Но делать нечего!

Ребята уверяли, что будут бодрствовать неусыпно, и араб в одушевлении поклялся даже страшными клятвами, что никуда сегодня не пойдет и убьет на месте «этого Масляева», если он осмелится только вид какой пока-

зать...

Повар слушал все это, потупя голову и сверкая глазами; не сказал ни слова и ушел в кухню как ни в чем не бывало.

– Пусть ведут сюда турки Масляева!

Привели его человек пять низамов и ушли, оставивши у дверей нашей плохой импровизованной тюрьмы одного товарища, самого молодого, самого слабого, самого смиренного; он был изнурен и замучен долгой лихорадкой, худ, уныл, и цвет лица его был специфический лихорадочный – грязно-желтый.

Бедный молодой человек стал как вкопанный с ружьем у дверей на двор и словно уснул – такое равнодушие было на больном лице его.

«Ну, стража!» – подумал я.

Это я думал, глядя на Масляева *в первый раз*. До тех пор я только слышал о нем, а сам его не видал.

«Экой богатырь, в самом деле! И какое приятное лицо! Вот что удивительно...»

Видали вы когда-нибудь купцов старинных, очень высоких, сильных и почтенных? Или, быть может, вы воображали себе таких

могучих русских бояр времен Иоаннов? Сила, спокойствие, с неистощимым запасом страшной энергии, и даже... даже... прекрасная, мужественная доброта!.. Вот какое впечатление произвел на меня Масляев, когда я в первый раз увидел его в бедной маленькой комнате каваса.

Мы поклонились друг другу.

Двор был полон городскими староверами; их собралось больше двадцати человек. Они сбежались *смотреть* один за одним. Впереди всех стоял мой приятель – тульчинский священник. Дверь и окно с решеткой были еще открыты. У дверей караулили болезненный часовой и мой араб с ятаганом. Староверы все были очень тихи и вели себя серьезно и почитательно. Я не только не спешил удалить их, но, напротив, находил полезным, чтобы они видели, как мы вежливо (хотя и строго) обращаемся с их обвиняемым, но еще не осужденным единоверцем.

Староверы безмолвно и печально глядели в открытую дверь и в окно. Сам Масляев, помолчав немного, спросил у меня весьма кротко и уважительно:

– А позвольте узнать, ваше высокоблагородие, в чем же меня обвиняют?

Я не спускал с него глаз и громко, чтобы слышали единовверцы его, повторил кратко рассказ судебного следователя об его побеге из города зимней ночью на тройке, о том, как он душил свою почти слепую и старую благодетельницу и как потом сбросил с саней испуганных участников своего злодеяния.

Масляев стоял передо мной, опершись локтем на комод, и пока я говорил, у него на лице не выразилось никакой перемены, не было ни малейшего содрогания или смущения...

Он только раза два-три вздохнул, поднял глаза к небу, и когда я кончил, произнес печально, но с мужественным спокойствием:

– Боже, Боже! В чем обвиняют! Какая клевета!

Я не верил ему; но все-таки вид его был такой почтенный, приемы и тон так достойны, что отвращения он во мне никакого не возбуждал.

Любопытно, очень любопытно мне было бы знать, что в самом деле думали про себя эти собравшиеся на моем дворе русские лю-

ди?

Но они молчали.

«Таврида» в этот раз опоздала, и нам нужно было бодрствовать за полночь. Я не хотел ни на кого положиться, все время не отлучался от дома и не ложился спать.

До самого позднего вечера ко мне беспрестанно обращались то с тем, то с другим, то с вопросом, то с просьбой.

Приехала жена Масляева из Галаца, проститься с ним.

– Позвольте ей к нему?

– Пустить, только удвоить надзор...

– Принесли для Масляева большой хлеб...

– Разрезать его; нет ли в нем чего-нибудь... маленькой пилы или еще чего-нибудь?

– Жена привезла ему какую-то шапочку на дорогу.

– Надо осмотреть и шапочку. Шапочку при мне мнут, выворачивают.

– Масляев нестерпимо страдает от колодок. У него руки очень велики и толсты, а колодки, которые надели на него турки, слишком тесны.

– Послать в Порту; просить у паши самые

большие колодки и принести ко мне.

Приносят. Иду сам с ключом. Масляев протягивает мне руки с видом смирения и покорности... Я отпираю сам тесные колодки, надеваю ему большие, опять запираю и кладу ключ в карман.

Человек десять староверов опять глядят на нас в решетчатое окно маленькой комнаты...

Помню – во все это время, пока я отпирал, снимал, надевал, запираю, я думал про себя:

«Вот теперь что ему с его силой стоит ударить меня по голове железной колодкой этой?.. Староверы могли бы в один миг обезоружить больного и полусонного мальчишку-турка, прежде чем он успел бы взвести курок... и... все кончено! Дунай в десяти шагах...»

Конечно, если бы в них, в старообрядцах, было возбуждено какое-нибудь сильное чувство, или ненависть к нам, или симпатия и глубокое сострадание к нему – материальных средств защититься от внезапного нападения у нас почти не было.

Однако и Масляев был кроток, как агнец, и староверы оставались лишь задумчивыми и

серьезными зрителями...

Это все, впрочем, ничего... Но затрудняла очень жена Масляева.

К вечеру она стала просить позволения остаться при нем и ночью до самого прихода «Тавриды».

Нельзя было разрешить этого. Как ручаться, что успел предусмотреть все возможности побега или те ухищрения, к которым может прибегнуть такой изобретательный и отважный человек, каким мне самому казался обвиняемый, и каким он являлся и в записке следователя и по словам предавших его единоверцев.

Жена его была тут уже давно; она долго сидела у него в комнате. Они могли успеть уже уговориться и сообразить целый план таких действий, которые мне и на ум не приходили.

Однако все близкие мои, все окружающие меня, все домочадцы мои стояли в этом случае за пленника и жену его. Драгоман говорил мне робко:

– Я думаю, что можно ей позволить это!

Молодые ребята, молдаван и араб, – оба глядели жалостливо и говорили, что он «бед-

ный» и от этих новых наручников, от больших, все-таки страдает...

Сидел у меня в это время наш доктор, Эпштейн, один из самых добрых и благородных людей, каких я только в жизни встречал...

У него даже слезы были на глазах...

Под влиянием всего этого я вышел сам поговорить с рыдающей попадъей. Женщина она была совсем простая; полная, средних лет, не хороша и не дурна. Одета была она совсем по-русски. Передник под мышками, сарафан, ситцевый платочек... На дворе дул сильный ветер; пыль поднималась столбом ей в лицо, и длинный передник ее, эта калужская «занавеска», столь родная на дальней чужбине, развевалась туда и сюда.

Все это меня несколько смущало...

Но надо было скорее положить всему этому конец, и я сказал ей: «Нет, нельзя, матушка, вам здесь на дворе больше оставаться... Идите сейчас со двора»... А кавасу крикнул:

– Запри за ней ворота и калитку, и больше никого уже без спроса на двор не пускать!

Несчастливая женщина пошла покорно к воротам, утирая глаза передником; за ней ушли

и два-три старовера, которые еще были на дворе; засовы на воротах загревели – и Масляев остался один под нашей стражей.

Совсем стемнело.

Никто у нас не ложился спать.

Из староверов также долго никто не являлся.

Только часу в одиннадцатом ночи постучался отец Григорий; он пришел просить у меня позволения отпустить с Масляевым на дорогу припасы и какие-то вещи незначительные. Его сопровождали двое мирян, хорошо мне известных; один из них был столяр и часто работал у меня в консульстве.

Я вынужден был тотчас же написать об этом обстоятельстве еще одно небольшое отношение к одесскому начальнику; все вещи я велел связать и запечатать.

Я объявил при этом староверам, что иначе поступить не могу; моя обязанность доставить Масляева в Одессу верно и сохранно; что я *готов им верить всей душой*, но все-таки не могу *знать ничего наверное...* Во всяком случае, одесское начальство больше моего знакомо со всеми порядками и правилами внут-

ренного управления; там они или распечатают и отдадут ему, или нет.

Староверы согласились со мной; они, казалось, не были недовольны моими распоряжениями, а священник даже и выразил это:

– Мы даже очень довольны вами, – сказал он, – на вашем месте и нам бы пришлось так же поступить.

Наконец зашумела в темноте на Дунае перед окнами консульства запоздавшая «Таврида» и раздались свистки. Явился тотчас же драгоман и поспешно взял бумаги и вещи Масляева. Из окон наших ночь казалась очень темною. Масляева довольно скоро провели по берегу к консульской маленькой лодочке. Я видел из окна моего кабинета только фонарь и какие-то тени.

«Таврида» все шумела и все держалась на месте, ожидая...

Наконец, я услышал, – она тронулась... Раз, раз, раз... потом тише, тише, дальше...

Драгоман вернулся довольный и возвратил мне мой, слава Богу, не разряженный револьвер.

– Все благополучно, – сказал он. – Сдал его

капитану под охрану двух военных матросов. Только, Боже мой! – какое любопытство он возбудил на пароходе... пассажиры первого класса вышли на палубу... Дамы...

– Ну, слава Богу, – сказал я. – Вот мы с вами и дело кончили!

Через неделю возвратилась опять «Таврида» из Одессы; я поехал на ней в Галац и узнал про Масляева еще новости.

Появление Масляева возбудило всеобщее любопытство на палубе парохода. Дамы и пассажиры всех классов окружили арестованного, расспрашивали, сострадали ему, утешали... Вид его рук, замкнутых в железные турецкие колодки, особенно возбуждал жалость женщин. Масляев уверил всех, что он гоним, оклеветан, что он страдает напрасно.

Вид его, я уже говорил, был весьма почтенный и даже приятный.

Дамы стали просить капитана, чтобы он, по крайней мере, снял бы с него эти ужасные колодки.

Капитан признавался мне, что он и сам был, наконец, растроган и желал избавить Масляева от боли и тяжести в руках, но второ-

пях забыли отдать ему ключ от этих колодок.

Была минута, когда думали о том, как бы их без ключа сбить и снять.

Но капитан воздержался от этого, не считая себя вправе этого сделать...

– Ну и сказал же я спасибо потом вашему драгоману за то, что он забыл отдать мне ключ!

– А что?

– Да если бы был ключ, я, вероятно, не стоял бы и, пожалуй, отпер бы; а он бросился бы в воду и уплыл бы; Дунай тут узок. Он оказался отчаянным человеком, и хорошо вы сделали, что так старательно и строго его держали.

В заключение рассказали мне, что когда приехали в Одессу, и Масляев понял, что надежд ему нет уже никаких, то, увидавши *пятерых* жандармов на пристани, вдруг переменил тон и при всех своих прежних защитниках и защитницах воскликнул громко:

– Э! вас только пятеро тут! Ну, счастье ваше, что у меня на руках колодки... а то я бы показал вам, кто я такой.

Все, конечно, были поражены этой каторжной «выходкой».

Был ли обвинен Масляев судом – не знаю.
Может быть, он и оправдан...